

А.Н. Хохлов

ИБ РАН

Эпидемия чумы в Харбине в 1910–1911 гг.

Об эпидемии чумы в Маньчжурии в 1910–1911 гг. (а также в другие годы) существует довольно значительная литература на русском языке, пользование которой, однако, серьёзно затруднено из-за неправильного написания китайских географических названий и собственных имён, порою заимствованных из французской либо английской транскрипции (без уточнения правильного звучания у китаистов). Среди них наиболее интересной с точки зрения богатства фактического материала, касающегося Харбина, можно указать книгу врача В.М. Богуцкого «Эпидемия чумы в г. Харбине и его окрестностях в полосе отчуждения КВЖД», изданную в 1911 г. в этом городе. Как эпидемиологический очерк она включает в себя, по словам автора, описание как хода эпидемии, так и тех организационных мер, принятых для её прекращения с указанием недостатков и ошибок в организации борьбы с этим бедствием, опасным для населения, в том числе и для медицинских работников. Благодаря ценной информации, предоставленной врачом – очевидцем трагических событий, эта книга была частично включена в отчёт посетившей цинский Китай в 1910–1911 гг. российской научной экспедиции, подготовленный с помощью своих коллег её руководителем Д.К. Заболотным и опубликованный в 1915 г. [9, с. 20–96].

Как полагал Д.К. Заболотный, быстрый рост эпидемии лёгочной чумы на станции Маньчжурия и на Чжалайнорских копях, в Харбине и Фуцзяняне, Мукдене, Чанчуне, Чифу (Яньтай) и других городах был обусловлен главным образом скученностью и теснотой китайских жилищ, крепко связанных с тогдашним китайским бытом¹, поэтому тесные ночлежки для пришлого люда в Харбине и других местах становились главными очагами распространения смертоносной заразы. Из отдельных поражённых чумой городов Маньчжурии эпидемия быстро проникала в города Северного Китая по железным дорогам и грунтовым трактам, по которым перемещались огромные массы народа.

© Хохлов А.Н., 2012

Следует отметить, что на неудовлетворительное санитарное состояние в Харбине, создававшее почву для возникновения разных эпидемий, указывалось ещё в 1908 г. в отчёте Городского Совета по врачебно-санитарному отделу, где было сказано:

«Город Харбин в настоящее время удовлетворяет [лишь] самым скромным гигиеническим требованиям. *Отсутствие канализации, водопроводов, хороших мостовых, этих краеугольных камней городской гигиены, само по себе ставит город в крайне неблагоприятные условия в отношении поддержания чистоты почвы и воздуха,* [а] нерациональное устройство выгребов [выгребных ям], чаще всего деревянных, нередко из тонких, плохо сколоченных досок, усугубляют упомянутые выше неблагоприятные санитарные условия города... Особенно невыгодно выделяется в санитарном отношении Пристань: более низкий уровень её почвы, близкое стояние почвенных вод, плохое качество воды и довольно значительная скученность населения служат причиной этого явления. Если Пристань – больное место на теле Харбина, то Пристаньский базар, по справедливости, должен быть назван злокачественным наростом на этом больном месте. Санитарное состояние базара ниже всякой критики, [ибо] весь базар представляет в сущности сплошную клоаку» [6, предисловие] (Здесь и далее курсив мой. – А.Х.).

Врач Н.В. Кириллов, отвечая на вопрос, откуда пришла чума на станцию Маньчжурия, связывал появление в этом пункте эпидемии с возвращением сюда инфицированных торговцев – китайцев, ездивших в Монголию за шкурками тарбаганов, нередко являвшихся осенью большими чумой, о чём было хорошо известно местным жителям [8, с. 1].

Как утверждал один из исследователей эпидемии лёгочной чумы в Маньчжурии в 1910–1911 гг., врач Е.С. Касторский, первый бактериологический случай появления чумы в посёлке при станции Маньчжурия КВЖД был установлен россиянами 12 октября 1910 г., что, по его мнению, не даёт оснований, однако, считать этот факт началом самой эпидемии, возникшей гораздо ранее [7, с. 1].

Вначале было решено для размещения первых групп больных и подозреваемых в наличии болезни приспособить 50 теплушек, стоявших в тупике, при этом для первых восьми пациентов в вагоне были поставлены шесть коек, а остальных разместили на нарах. Уже через два дня стало ясно, что вагоны-теплушки недостаточно удобны, так как при открывании дверей для врачебного обхода наружный воздух, попадая в вагон, обдавал больных резким холодом. Ввиду этого было решено размещать последних в старых холерных бараках, что и было исполнено к 9-му ноября. В дальнейшем для больных и изолируемых лиц, а также медперсонала были приспособлены из числа бывших холерных бараков три деревянных дома, заново општукатуренных изнутри. В одном доме была устроена больница, в другом поместились медсёстры и сиделки, а третий дом, который считался запасным, заняли санитары, в том числе пострадавшие от контактов с местными жителями (вероятными и действительно больными). Отдельное здание (с бетонным полом) стало дезинфекционной камерой для обработки одежды больных из тарбаганьих шкур формалином.

В целях общей обсервации возраставшего числа пациентов было принято решение установить теплушки не менее чем на трёх или четырёх запасных путях со свободными промежутками через каждую пятерку вагонов. С реализацией этой меры к 12-му ноября удалось эвакуировать из китайских фанз и разместить в теплушках 3607 китайцев, после чего в посёлке при станции Маньчжурии не наблюдалось ни одного случая заболевания чумой.

Столь же интересные сведения о начальном этапе борьбы с эпидемией чумы приводит Е.С. Касторский относительно Харбина, где первое заболевание, по его словам, было констатировано 27 октября 1910 г. у прибывшего со станции Маньчжурия китайца. О больном случайно узнал слуга (бой) д-ра Можаяева, который сообщил об этом и довёл до сведения главного врача больницы. Доктор С.И. Петин, посланный последним для принятия соответствующих мер, нашёл этого китайца уже умершим, поэтому отправил его на осмотр и после частичного вскрытия трупа бактериоскопически нашёл у него чуму. В тот же день на заседании главной санитарно-исполнительной комиссии было решено оборудовать чумной барак с назначением врача Петина заведующим больницей. Одновременно было принято решение разделить город на восемь участков для санитарного надзора над городским населением и в случае необходимости обследования больного жителя медицинским персоналом, состоявшим на каждом участке из одного врача, двух фельдшеров и санитаров. При обсуждении вопроса о дезинфекции имущества больных члены комиссии договорились малоценные вещи сжигать – с компенсацией их стоимости, а для более ценных оборудовать дезинфекционные камеры. Когда же речь зашла о необходимости очистки города от нечистот, то выяснилось, что у города нет собственного ассенизационного обоза. Относительно активизации мер санитарно-просветительного характера было принято предложение об организации лекций и бесед о чуме среди городского населения и издании брошюр и плакатов на китайском языке для ознакомления горожан с характером эпидемии и способами предохранения от неё.

Для осуществления более эффективного санитарного контроля Харбин позднее был разделён на 16 участков, каждый из которых обслуживала бригада в составе одного врача, двух-четырёх фельдшеров или фельдшерлиц. Наиболее крупные промышленные предприятия и мастерские, торговые заведения и магазины, а также жилые дома в городе и его окрестностях оказались под наблюдением врачей. Участковые врачи постоянно осуществляли ночные обходы и осмотры ночлежек, харчевен и опекурилен с целью выявления больных чумой. Вначале китайское население к таким посещениям относилось с явным предубеждением. При появлении участковой бригады местные жители разбегались, стараясь любыми способами уклониться от санитарных осмотров. Но с течением времени (после двух-трёх недель) некоторым россиянам-врачам удалось установить с ними хорошие отношения, особенно с обитателями ночлежек, остро нуждавшимися в медицинской помощи.

По мере роста числа больных чумой и лиц, подозреваемых в наличии этого заболевания, а также для медицинского персонала были подготовлены два

новых здания под больницу, причём в бараке для заболевших были установлены нары, которые впоследствии заменили кровати в виде носилок, предложенных фельдшером Озеровым. Второе здание предназначалось для медперсонала, состоявшего из фельдшера, шести санитаров и одного повара-китайца. С усилением эпидемии чумная больница 1 декабря была переведена в т.н. Московский чумной пункт, где ей были переданы 23 старых здания, ранее служившие солдатскими казармами Московского полка. Под собственно больничные нужды поступил 9-й барак, отапливаемый чугунными печами.

Транспортировкой больных чумой и трупов занимался специально созданный 28 октября летучий отряд, состоявший из трёх фельдшеров и 10 санитаров. Уже 29 октября его личный состав был увеличен за счёт новых двух фельдшеров и пяти санитаров. С дальнейшим ростом эпидемии чумы численность летучего отряда в январе 1911 г. возросла до 10 фельдшеров, 52 санитаров, двух лиц, занимавшихся дезинфекцией, 15 кучеров, двух поваров, одного кладовщика, одного вестового городского, двух служителей, необходимых преимущественно для хозяйственных услуг, и одного боя-китайца.

Летучему отряду приходилось действовать в крайне трудных условиях из-за дальних поездок в окрестности Харбина, откуда больного следовало доставить в Московский чумной пункт, отстоявший от города в четырёх верстах. Из-за неточного адреса заболевшего, на его поиски уходило очень много времени, поэтому порой на один выезд требовалось 3–4 часа, причём при морозе в 25–30°. Обычно при выезде за трупом санитары брали с собой широкую (пропитанную сулемой) простынь. Завернув в неё скончавшегося больного, санитары волокли его к повозке баграми и крюками. Работа летучего отряда, проходившая в соприкосновении с чумными больными по несколько раз в день, была одной из самых тяжёлых и опасных. Мокроту, полученную от больного, как и от трупа, отсылали в специальную лабораторию для анализа.

В момент наивысшего пика в распространении эпидемии в чумном бараке нередко не хватало кроватей, их было только 14 для принятия на лечение более 30 больных. Поэтому неполучившим место приходилось устраиваться на корточках на полу, где порой проходили их последние дни жизни. С подобной ситуацией столкнулся приехавший в декабре в Харбин проф. Д.К. Заболотный, который после посещения чумного барака предложил приспособить для больничных целей ещё два барака с бетонными полами. На это требовалось до 15 тыс. руб., поэтому из-за нехватки средств полы в целях экономии были покрыты дешёвым линолеумом. К этому следует добавить, что из-за небрежного обращения больных с огнём один из предложенных барачков впоследствии сгорел.

Чрезвычайно ужасную картину Харбина и его пригорода Фуцзядяня в период эпидемии чумы рисует автор письма из Харбина, опубликованного 30 января 1911 г. в газете «Восточный посредник», выходившей во Владивостоке. В этом письме сообщалось:

«Харбин, этот крупнейший торговый центр [Северной] Маньчжурии, мощно развивавшийся благодаря счастливому сочетанию железнодорожного узла с судоходством по Сунгари, город, претендовавший на звание

столицы Маньчжурии, [ныне] достигнут страшным бедствием: его посетила „чёрная смерть“. Не стану останавливаться на [огромном] числе жертв, унесённых в могилу страшной эпидемией, – вы уже знаете об этом из телеграммы. Но сухие цифры... не могут передать всего ужаса жителей Харбина, знающих, что страшная гостья бродит среди них, бродит ежедневно, ежесекундно в лице сотен тысяч китайцев из крупнейшего очага чумы – Фуцзядяня...

Фуцзядянь, резиденция даотая [уездного градоначальника], насчитывающий до 70 тыс. жителей, по скученности населения и ужасным антисанитарным условиям типичнейший китайский городок, и [вероятно] пройдут ещё десятилетия... пока культура и цивилизация не сметут здесь накопившуюся веками грязь. Если вы хотите составить себе даже слабое представление о Фуцзядяне, вообразите хотя бы громадное число фанз, скученных массами, навалившихся друг на друга, прилепившихся одна к другой и изредка расступающихся, чтобы оставить место для узкой дороги, на которой вязнет в грязи арба, запряжённая несколькими лошадьми... В каждой такой фанзе ютятся 20–25 чел., спящих вповалку на „канах“ (вроде низких нар). Слюдяные окна не дают притока воздуха. У самой двери образуется от отбросов помойная яма, часто сливающаяся с такой же ямой у дверей соседа... Что же тут удивительного, если при таких условиях чума вызвала огромную смертность, если китайцы падают сотнями и лежат неубранными в грязи и мрут тут же [как мухи], заражая и без того ужасную атмосферу; если никакой санитарный надзор прямо-таки практически невозможен, если в каждой фанзе просыпающиеся китайцы оставляют один-два окоченевших трупа каждую ночь.

Чумные трупы гниют на улицах, в помойных ямах, в переполненной до краёв экскрементами канаве, окружающей город, на кладбище, распространяя страшную эпидемию, увеличивая всё прогрессирующую смертность среди китайского населения. А китайцы... каждое утро спешат в русский город Харбин... густой саранчой в поисках работы, а на ночь возвращаются в Фуцзядянь, чтобы на следующее утро снова высыпать [огромной массой] в этот город».

Среди профилактических мероприятий, принятых в Харбине в 1910–1911 гг., важную роль в выявлении чумы и в борьбе с возникновением новых очагов эпидемии сыграли созданные в черте города для бездомного люда ночлежно-питательные пункты. Благодаря этим новым заведениям было выявлено, по некоторым данным, до 38% больных горожан от общего числа заболевших граждан. Первый такой пункт появился 4 января в четырёх специально оборудованных нарами вагонах-теплушках, поставленных на Путевой улице в железнодорожном тупике. Одна из них была отведена для изоляции лиц, подозреваемых в наличии болезни, а другая служила приёмной, где утром и вечером медработниками производился осмотр (с термометрированием) всех желающих получить в вагончике ночлег. В третьей теплушке находился медперсонал, а четвёртую занимала кухня.

18 марта новый врачебно-питательный пункт с ночлежным домом был открыт в Харбине на Водопроводной улице, в бывшем театре известного

китайского купца Цзи Фэн-тая (более известен в русской литературе как Тифонтай), принявшего российское подданство задолго до русско-японской войны 1904–1905 гг. Как и ночлежный дом на Биржевой улице, этот пункт располагал комнатой с нарами для ночлега, приёмным помещением для термометрирования, изолятором, комнатой для дежурного фельдшера, столовой и кухней. Здесь также имелись жилая комната для фельдшера, комната для русских санитаров, комната для санитаров-китайцев и кладовая.

Ночлежный дом был рассчитан на 432 чел., из которых 225 чел. могли пользоваться ночлегом только за плату (в размере двух копеек). В целях изоляции пришлого люда оба этажа отделялись друг от друга перегородкой. Отделение ночлежников отапливалось четырьмя чугунными печами, а приёмная – одной печью. Освещение было электрическим. Вентиляция воздуха осуществлялась посредством окон, снабжённых подъёмными рамами, а также с помощью большого вытяжного окна, находившегося под крышей дома.

Медицинский персонал состоял из одного врача, одной сестры милосердия, одной регистраторши, четырёх русских санитаров, одного переводчика, 12 китайских рабочих, число которых с 30 апреля уменьшилось на пять человек.

С 21 марта при этом ночлежном доме стала функционировать платная столовая, которую довольно охотно посещали жители Харбина. С момента её открытия до 31 марта в ней побывало 908 посетителей (при количестве ночлежников в 4235 чел.). В течение следующего месяца столовую посетило 2718 чел. (при общем количестве нуждающихся в ночлеге в 9119 чел.). Иначе говоря, здесь столовалось примерно 25% ночлежников.

С 15 апреля наиболее бедных и в грязной одежде посетителей ночлежного дома отправляли с санитаром в баню, расположенную на Торговой улице. В последующие дни (до 28 апреля) баню посетило 600 чел.

О серьёзной ситуации, сложившейся в Харбине в результате распространения эпидемии чумы, позволяет судить интервью с приехавшим в Петербург из Маньчжурии Д.К. Заболотным, который, в частности, сообщил:

«Когда я в начале декабря приехал в Харбин, число чумных заболеваний в нём и его пригородах достигало всего 10–15 чел. в сутки, а перед моим отъездом в Петербург оно уже перевалило за сотню.»

Харбин разделяется на три части: Старый Харбин, Новый Харбин с европейским населением и Харбин-Пристань, населённый исключительно китайцами. Если санитарное состояние первых двух частей Харбина довольно сносно, то в китайской его части оно отвратительно... В некоторых домах, при обходе санитарной комиссии, удалось найти сотни китайцев [в одном помещении], а в маленьких фанзах – десятки... В Харбине-Пристани и сосредоточены все главные очаги чумы [всего] Харбина.

В Фуцзядяне, отстоящем от Харбина в четверти часа езды на лошадях и граничащем с Харбином-Пристанью, санитарные условия ещё гораздо хуже, чем в последней... Только после половины декабря, когда число заболеваний чумой дошло до нескольких десятков в сутки, сюда были посланы китайские врачи с высшим, частью даже европейским образованием и студенты медицинской школы в Тяньцзине²...

У нас, русских врачей, с китайскими врачами организовывались еженедельные совещания и был установлен взаимный обмен бюллетенями о ходе заболеваний. В настоящее время Фуцзянь отделён от Харбина цепью солдат – русских и китайцев. Для сообщения [между жителями Харбина и Фуцзяня] устроено 8 пропускных пунктов, на которых по очереди дежурят китайские и русские врачи.

После моего отъезда руководство санитарной частью для борьбы с эпидемией было возложено на [Противочумное] Бюро, в состав которого входят врачи: Богущкий, Предтеченский, Кокшаров и Хавкин... КВЖД исполняет все возможные для местных условий противочумные мероприятия... Эвакуация [заболевших] китайцев стоит недорого... [на каждого] выдаётся по 10 коп. в сутки» [3, № 12537 (5/18.01.1911)].

В целях ограничения доступа в Харбин китайского населения из соседних местностей, охваченных эпидемией, Противочумным Бюро КВЖД было принято решение не пропускать в город китайцев с периферии не иначе как через установленные (в 8 местах) пропускные пункты, где едущих в Харбин осматривали медработники. Пропуск же пеших китайцев допускался только по пропускам, выданным Противочумным Бюро. С 12 февраля ввиду необычного наплыва бродяг, из числа которых появлялись новые жертвы заболевших чумой, китайских возчиков стали пропускать только по одному человеку на каждой подводе.

В целях ведения профилактической работы среди окрестного населения, российское генеральное консульство в Харбине, спасаясь от заражения чумой скота, издало в переводе на китайский и монгольский языки брошюру, специально написанную по данному вопросу ветеринарным врачом А. Мещерским. В начале 1912 г. руководство КВЖД приняло решение о посылке в Монголию и Забайкалье экспедиции во главе с врачом С. Ульрихом для ознакомления с тарбаганным промыслом в связи с заболеванием тарбаганов чумой.

Несмотря на меры активной борьбы с чумой, предложенные руководством КВЖД, газета «Новое время», ссылаясь на сведения «Харбинского вестника», указывала, что борьба с чумой ведётся вяло, при этом сообщала: «Пока в верстах 10 от города [Харбина] по дороге на [станцию] Куанчэнцзы открыт только наблюдательный пункт для осмотра всех прибывающих китайцев и иностранцев... Полицией изданы аршинным шрифтом правила, в которых объясняется, что чума бывает троякая: бубонная, лёгочная и брюшная... далее даются обычные советы, что нужно делать [в случае болезни]».

Приводя некоторые подробности, касающиеся распространения чумы в Маньчжурии, газета отмечала: «В то время как мы [россияне] лечим [бесплатно] сотни и тысячи китайцев в Харбине в изоляционных пунктах, китайские власти с иностранцев и китайских чиновников, которым предоставляется отдельная фанца, взимают плату за прокорм и за пользование [услугами] врача, а также за всё то, что не предусмотрено правилами и что потребуется [дополнительно]» [3, № 12537 (5/18.01.1911)].

Противочумные мероприятия коснулись и 15 учебных заведений Харбина. В их числе в указанные годы функционировали два коммерческих училища Министерства финансов (мужское и женское), две частные женские гимназии и одна мужская прогимназия Министерства Народного Просвещения, Торговая школа, пять железнодорожных училищ, четыре городских начальных училища и несколько начальных школ.

В коммерческих школах насчитывалось 889 учащихся (в мужском – 539 чел. и в женском – 350), в Торговой школе – 68 чел. и в пяти железнодорожных училищах – 818 чел. Всего же в учебных заведениях, находившихся в ведении Учебного отдела КВЖД, насчитывалось 1775 чел.; в частных гимназиях – около 600, в четырёх городских начальных училищах – 743. 30 января 1911 г. на заседании Противочумного Бюро при участии представителей ряда учебных заведений было решено увеличить врачебный персонал в училищах на одного врача в каждом; при этом устроить по одному изолятору в каждом коммерческом училище (с одной койкой); пригласить для термометрирования учащихся 10 чел. из студентов и фельдшерниц. В результате принятых мер впоследствии было зафиксировано лишь четыре случая контактов учащихся с чумными больными.

В ходе принятия мер по локализации эпидемии, связанных с созданием «обсервационных» медицинских пунктов в зоне карантина, администрация КВЖД натолкнулась, как сообщал российский консул Н.М. Поппе, на сопротивление местного населения, обескураженного процедурой личного медицинского осмотра каждого заболевшего либо подозреваемого в возможном заболевании. Это выходило за рамки привычных традиционных представлений китайцев, незнакомых с практикой осмотров в европейской медицине. Недовольством местных жителей воспользовались некоторые националистически настроенные китайские газеты (напр. *Дун-чуй гун-бао* и др.) для раздувания антирусской шумихи, поводом для которой стало решение руководства КВЖД ограничить контакты населения собственно Харбина с жителями Фуцзядяня, населённого преимущественно китайцами и являвшегося главным очагом эпидемии в Маньчжурии.

Чтобы лучше представить характер публикаций издававшейся в Фуцзядяне китайской газеты *Дун-чуй гун-бао* (东垂公报 «Северо-восточный вестник». – *Ред.*), достаточно обратиться к тексту двух статей, опубликованных в № 52 от 19 ноября 1910 г. В одной из них (под заголовком «Полубуйтесь-ка, русские, на наших врачей») говорилось:

«Китай – древнее государство с древней прославленной литературой. Как бы ни были незначительны те искусства, которые существуют в Китае издревле, каждое из них по своей специальности доведено до совершенства. Чем же иначе можно объяснить то обстоятельство, что мы разрослись в [много]миллионный народ и сохранили свои 400 млн. населения до настоящего времени – пример, который не найти ни в одном государстве. Наша отсталость заключается только в том, что мы мало прибавили к открытиям наших праотцов. Зато у нас есть и такие отрасли знаний, где мы во многом преуспели. Так, медицина, которая в других странах называется наукой, [у нас] в Китае она представляет собой искусство.

При чуме у больного [таится] одна надежда на врача, но у европейцев нет от чумы лекарства, и больным приходится ждать смерти. Мы не будем говорить о том, что, вероятно, существует где-то вдали, а возьмём лишь наш Фуцзянь. Когда там был русский доктор, то он даже не мог распознать саму болезнь – чума это или нет. А наши китайские врачи распознают её сразу, и если заболевшему не помогают лекарства, то делают уколы и болезнь проходит. Разве русские могут не признать, что для них этот результат небывалый.

Кто не верит [сказанному выше], пусть прочтёт отчёт санитарной комиссии Фуцзяня» [5, ф. Китайский стол, оп. 491, 1910, д. 213, л. 90–91].

Для антирусского настроения газетной кампании весьма характерно приводимое ниже открытое письмо Чжоу Хао, редактора издаваемой в Фуцзяне газеты *Дун-чуй гун-бао*, адресованное гириинскому губернатору и опубликованное в номере 48 этой газеты от 15 ноября 1910 г.:

«Кто, например, мог предположить, что для русских предлогом [вмешательства] для реализации своего тайного замысла послужит ниспосланная Небом чума, распространившаяся со станции Маньчжурия и на Харбин... Казалось бы, что выработанные [русскими] меры должны относиться только к полосе отчуждения КВЖД. Но они, выходя за рамки трактатных постановлений, хотят применить выработанные ими меры к Фуцзяню, в котором функционирует самостоятельная административная единица – Бинцзянтин, и до господствующего в Фуцзяне правового порядка русским нет никакого дела.

С какой стати русским следует заботиться о Фуцзяне, если не с целью осуществления своего тайного замысла...

Русские хотят, с одной стороны, окружить войсками Фуцзянь, а с другой – командировать врачей следить за [ходом] заболеваний в Фуцзяне... Управление дороги [КВЖД] в официальной бумаге на имя Юй [Сы-сина] о командировании врачей заявило, что экстренная необходимость заставляет разделить Фуцзянь на 6 участков с откомандированием одного врача с тремя фельдшерами для наблюдения за больными в китайских домах. По [наведённым нами] справкам оказывается, что русского врача должны сопровождать находящиеся в его распоряжении русские полицейские. Если же согласиться на командирование даже одного врача, то неизбежно явятся с ним и полицейские. Придавая данному вопросу большое значение, даотай Юй передал его на обсуждение Противочумной комиссии Фуцзяня... Местное население, [не зная, как поступить,] растерялось и... уклонилось от обсуждения предложенного даотаем вопроса... Тем не менее в Фуцзяне создана комиссия с целью лечить заболевших чумой. Кроме китайских врачей ещё приглашены иностранные врачи. Наша пища, образ жизни, характер и привычки не одинаковы с русскими. Откуда могла возникнуть необходимость не верить китайским врачам...

Между тем уровень знаний русских врачей довольно низкий, и они даже не в состоянии отличить заболевание чумой от обычной простуды. Кроме того у них нет лекарств для лечения чумы. По этой причине [у нас] в

больницу поступают из заболевших чумой только двое, а русские врачи отправляют туда и болеющих простудой, принимая последних за больных чумой... До вмешательства русских врачей чума прекращалась [буквально] через несколько дней или через 10 дней. Если бы мы согласились на командирование [к нам] русских врачей, то подверглись бы большому разорению...

Что касается станции Маньчжурия, то там поступают [с инфицированными] так: если заболит одна семья, то беда приходит для всех владельцев соседних фанз. Из-за отсутствия больницы всех сгоняют в пустые вагоны и затворяют их там, в результате чего здоровые невольно заражаются от действительно больных... Такой же бесчеловечный способ помещения больных вместе со здоровыми применяется русскими и в отношении китайцев в Харбине, лежащем в полосе отчуждения [КВЖД]. Так, из-за трупов, найденного около гостиницы „Уфэнлоу“, весь её двор и все соседние постройки были оцеплены войсками, вследствие чего 268 чел. (!) были обречены на смерть от голода и холода... Таким образом, командирование русских врачей в Фуцзянь не принесло бы нам успеха в борьбе с эпидемией чумы» [5, ф. Китайский стол, оп. 491, 1910, д. 213, л. 78–80].

Более конкретна в изложении публикуемого материала другая статья, опубликованная в том же номере упомянутой газеты *Дун-чуй гун-бао* под заголовком «Случаи на [пограничной] станции Маньчжурии». Она пристрастно трактует методы работы местных властей и медперсонала в условиях жёсткого карантина, установленного в связи с ростом эпидемии чумы в пограничном с Россией пункте КВЖД. О том, насколько порой сомнительна представленная в этой заметке информация, позволяет судить её приводимый ниже текст в виде четырёх пунктов:

«1) Более 40 китайских женщин и проституток были задержаны русскими на станции и отправлены на осмотр в [оборудованные для этой цели] вагоны. Их здесь раздели догола. Наши обычаи несходны с иностранными. От стыда наши женщины закрывали половые органы руками, а русские солдаты толкали их ружьями и заставляли показывать медикам всё. Следовало бы сначала предварительно объяснить, что нужно делать, а не поступать так варварски. Поэтому женщинам, принужденным силою раздеваться, ничего не оставалось, как подчиниться полагавшемуся осмотру.

2) На днях на станции Маньчжурия [медики] осматривали до 4000 жителей поселка в вагонах, при этом, взяв одежду для дезинфекции, оставили их голыми. Дезинфекция производилась долго, а в вагонах было холодно, в результате даже здоровые люди после осмотра оказались больными.

3) Из Читы по случаю эпидемии чумы выслали китайцев [на родину], и на днях большую партию последних высадили на станции Маньчжурия. Кто был побогаче, тот смог купить билет для проезда до Харбина, а всем прочим пришлось остаться на этой станции, где их направили в вагоны, и уже сейчас среди этих людей есть умершие.

4) На днях на станции Маньчжурия простудился некий мужчина по фамилии Лю. Его сочли больным чумой, но не лечили, поэтому чем дольше он здесь оставался [в бараке], тем хуже ему становилось... Когда же Лю од-

нажды потерял сознание, его сочли мёртвым, и его, положив в деревянный ящик, ночью вынесли в поле. Когда же утром взошло солнце, Лю, согрешившись под его лучами, очнулся, затем ему удалось разломать ящик, вылезти из него и бежать прочь».

Для правильной оценки фактов обратимся ниже к сравнению китайского текста (в русском переводе), помеченного выше первым номером, с цитатой из книги врача Н.В. Кирилова «Моровая язва, или людская чума на Дальнем Востоке», вышедшей в 1910 г. во Владивостоке, где сказано:

«Как только стала известна усилившаяся смертность среди китайцев [в посёлке при станции Маньчжурия], были приняты энергичные меры к [её] „локализации“, т.е. к ограничению места [очага] эпидемии. Квартал, где оказались больные, был оцеплен [отрядом], а в черту оцепления были отряжены как медицинский персонал, так и специальные санитары для выделения больных в особый лазарет, ухода за ними, [возможного] погребения и дезинфекции... Из предосторожности... были сокращены остановки [поездов] на этой станции (смягчены таможенные формальности до осмотра вещей в вагонах на ходу), приложены заботы к устройству столовых с доброкачественной пищей и крайне ограничен приём китайцев в качестве пассажиров на поезда.

Всего по 1^о ноября заболело чумой на ст. Маньчжурия 316 чел., а умерло 309. В обсервации находилось 758 чел., но ввиду участвовавших случаев выбрасывания чумных трупов из неоцепленных домов было решено оцепить весь посёлок и взять под обсервацию 2496 чел. К 20 ноября умерших там от чумы китайцев оказалось 449 чел. и европейцев 11 [в том числе 3 медика]» (стр. 13–14).

Касаясь антирусской пропагандистской кампании, поднятой китайской прессой в связи с мероприятиями администрации КВЖД против распространения чумы в Маньчжурии, российский генконсул в Харбине Николай Поппе 24 ноября 1910 г. писал российскому посланнику в Пекине:

«Недружелюбные и намеренно извращающие деятельность русских заметки и статьи, появившиеся в газете «Дун-чуй гун-бао» с возникновением слухов о вмешательстве Управления железной дороги [КВЖД] в дело борьбы с чумой в Фуцзяне, ввиду изложенного выше направления [этой] газеты, надо полагать, будут появляться и в будущем, хотя, вероятно, в более осторожной форме³. Вследствие обращения Вашего Превосходительства по поводу враждебных статей этой газеты в Вайубу (Министерство Иностранных дел) здешним даотаем [градоначальником] от последнего [Вайубу] на днях получено предписание положить предел появлению подобных статей, расследовать дело и донести о его результатах. Как передавал сяньшэн (преподаватель китайского языка. – А.Х.) Генерального консульства, редактор упомянутой газеты Чжоу Хао сообщил ему, что даотай [Юй Сы-син] уже предложил ему прекратить печатание подобных статей в его газете и что, по всей вероятности, даотай донесёт в Пекин о том, что статьи, вызвавшие наше неудовольствие, были помещены в газете без его

ведома и по неопытности и неосмотрительности редактора. Впрочем, на мой письменный протест от даотая Юй Сы-сина до сего времени не последовало ответа» [5, ф. Китайский стол, оп. 491, 1910, д. 213, л. 96].

Для понимания дипломатического аспекта рассматриваемого сюжета интересным представляется приводимое ниже донесение российского посланника в Пекине И.Я. Коростовца от 12 января 1911 г. на имя министра иностранных дел С.Д. Сазонова:

«Как Вашему Высокопревосходительству известно из донесений наших консулов и моих телеграмм, появившаяся в октябре минувшего года на станции Маньчжурия чума быстро распространилась по всей Северной Маньчжурии, главным образом вдоль линии КВЖД, приняв угрожающие размеры в пригороде Харбина – Фуцзядянь, откуда она перешла в Куанчэнцзы, Мукден и в другие населённые пункты Северного Китая. В начале текущего года были обнаружены единичные случаи [этого] заболевания в Тяньцзине и, наконец, 7 января в Пекине, [где] на улице Дипломатического квартала был поднят больной чумой китаец, умерший после перенесения его в госпиталь американских миссионеров.

С самого появления эпидемии китайские власти относились крайне апатично к борьбе с её распространением и не только не оказывали никакого содействия Управлению КВЖД в его противочумных мероприятиях, но даже всячески препятствовали их осуществлению, относясь с явной подозрительностью ко всем действиям русской администрации [и] допуская печатание в местных газетах фантастических и вымышленных статей и воззваний, имевших целью возбуждение населения против русских. В фуцзядяньской газете между прочим [необоснованно] указывалось на то, что русские под предлогом борьбы с чумой хотят ввести в город свою полицию, что явилось бы шагом к распространению юрисдикции дороги [КВЖД] на Фуцзядянь и присоединению этого пункта к [её] полосе отчуждения. Следует отметить, что особенное противодействие оказывал начальник Харбинского Дипломатического Бюро даотай Юй [Сы-син], человек [как администратор] довольно ограниченный и неспособный, но проникнутый неприязнью к иностранцам и особенно к русским. Такое поведение китайских властей побудило имп. [дипломатическую] миссию к целому ряду выступлений перед здешним Министерством иностранных дел [Вайубу] с указаниями на невозможность правильной борьбы с распространением эпидемии при бездейственности китайских властей и просьбою снабдить последних необходимыми инструкциями. . . Первые мои заявления вызвали, [как видно] из ответа китайского МИД, совершенно несерьёзные объяснения, где со слов даотая Юя заявлялось, что среди наших железнодорожных властей не существует определённого мнения относительно мер борьбы с чумой и сведения об эпидемии явно преувеличены, что русские доктора совершенно не компетентны, а газетные нападки и инсинуации [против них] объяснялись недоразумением. Однако дальнейшие настояния в связи с упомянутым письмом моим здешним [иностранному] посланникам возымели некоторое действие, и

центральное правительство командировало в Харбин несколько иностранных врачей, состоящих на китайской службе, причём во всех этих мероприятиях ясно обнаружилось [с одной стороны] стремление китайской стороны удерживать дело борьбы с чумою в своих руках и [с другой –] крайняя подозрительность ко всякому вмешательству».

Как отмечал в этом донесении И.Я. Коростовец, появление эпидемии в окрестностях Пекина «отодвинуло на задний план все вопросы текущей политики», заставив иностранных дипломатов принять энергичные меры против надвигающегося стихийного бедствия.

«Прежде всего, было решено организовать распорядительную комиссию из врачей [дип]миссий с участием врачей от иностранных миссионеров и заведующих полицией отдельных участков, находящихся в ведении дипломатического корпуса, для выработки правил изоляции [Посольского] квартала... Со своей стороны, китайское правительство, желая сохранить за собою инициативу [видимой] борьбы с чумой в Пекине, передало Декану дипломатического Корпуса проект своих мероприятий против занесения чумы в столицу, из которых главное, а именно запрещение пропуска пассажиров 2-го и 3-го классов из Мукдена в Шанхайгуань с 5-дневным карантином для пассажиров 1-го класса в названных пунктах, было тотчас приведено в исполнение. Вскоре после этого был прекращён доступ пассажиров 3-го класса по ЮМЖД и, согласно телеграмме генерала Хорвата [Управляющего КВЖД], с 7 января была прекращена выдача билетов 3-го и 4-го классов из „Харбина по всем направлениям с устройством карантина на станции Цицикар“» [5, ф. Китайский стол, оп. 491, 1911, д. 134, л. 20–23].

Тем временем китайское правительство, впервые в истории взаимоотношений цинского Китая с иностранными державами, выступило с инициативой приглашения иностранных специалистов-врачей в Маньчжурию для изучения её чумных очагов, при этом было заявлено, что поскольку командирование врачей осуществляется совершается официально, по приглашению китайского правительства, то последнее возьмет на себя все расходы, связанные с их пребыванием в Китае.

Врач П.Б. Хавкин, возглавлявший в Московском чумном пункте изоляционный барак, где по инициативе Д.К. Заболотного в лечебных и профилактических целях проводились опыты применения противочумной сыворотки, критически отзывался об условиях труда медработников в Харбине в период борьбы с эпидемией:

«Работа в Харбине была обставлена самыми тяжёлыми условиями: малочисленность врачебного персонала, [почти] полная неподготовленность среднего [его звена] для какой-либо серьёзной работы, больница не удовлетворяла самым элементарным [медицинским] требованиям, наконец, групповые заболевания лиц медицинского персонала, выбивавшие всю больничную жизнь из колеи» [9, л. 97]⁴.

О чрезвычайно трудных условиях, в которых приходилось работать российским врачам в борьбе с эпидемией чумы в Маньчжурии, отчасти

позволяет судить и интервью, данное доктором Фрэнком одной московской газете, появившееся 22 января 1911 г. в томской газете «Сибирское слово». По соображениям экономии места приводим ниже лишь незначительную часть текста:

«Впервые чума была обнаружена 18 октября на станции Маньчжурия. При осмотре ... китайской фанзы было найдено девять больных и несколько трупов... Надо хоть раз в жизни побывать в китайской фанзе, чтобы составить себе действительное представление о невыразимой грязи, вони и [людской] скученности в ней. Благодаря крайней бедности населения в каждой такой фанзе на канах (вроде лежанок) иногда помещаются по 5–10 семейств подряд...

Что же при таких условиях сумеют сделать наши 18 врачей, 10 студентов, 54 фельдшера и 200 санитаров – сказать трудно» [4, № 17 (22.01.1911), с. 2].

О титанической работе, проделанной российскими врачами с 20 ноября по 1 апреля только в Харбине в период борьбы с чумой, можно судить по далеко не полному следующему данным: на обсервации перебивало 10 250 китайцев, 225 европейцев, т.е. всего 10 475 чел. Из них поступило в чумной барак 180 китайцев и 2 европейца, переведено в изолятор 102 китайца и 7 европейцев; бежало от санитарного осмотра 536 китайцев. Выписано же без специального лечения 7942 китайца и 216 европейцев. Кроме того, отправлено в Куанчэнцзы (с 26 ноября по 6 февраля) 1443 китайца [10].

Из медицинского российского персонала, задействованного в Харбине, по характеру неутомимой и героической деятельности следует особо выделить Марию Александровну Лебедеву, земского врача Дмитровского уезда Московской губернии. Приехав во время отпуска к родственникам в Харбин, где вспыхнула эпидемия чумы, она, не успев отдохнуть от тяжёлой земской работы, не осталась в стороне и без колебаний вступила в ряды своих коллег, энергично борющихся с чудовищной эпидемией. Полная желанием облегчить горькую участь китайцев, массами гибнувших от чумы в своих тесных жилищах, женщина в белом халате всецело отдалась новому опасному для жизни делу. Стараясь скрасить для заболевших суровую правду борьбы с эпидемией, она умело вносила в свои отношения с ними присущую ей удивительную доброту и деликатность. Постоянными заботами об улучшении тяжёлой жизни бедняков (даже путем приискания им заработка) и душевными беседами о соблюдении личной гигиены ради предупреждения заболевания опасной болезнью эта женщина-врач снискала широкое доверие у китайцев, которые встречали её с радушием и надеждой на спасение от смертоносной эпидемии.

М.А. Лебедева заболела 12 января, заразившись при осмотре обнаруженных ею одиннадцати больных и четырёх трупов на Базарной улице в доме № 242. При каких обстоятельствах произошло это заражение, столь характерное для работы медицинского персонала, видно из сообщения студента-медика И.В. Суворова: «Я увидел (11 января) у одной из фанз на Базарной площади Марию Александровну, которая усиленно махала мне рукой. Я подошёл и от неё узнал, что уже в этой [242-й] фанзе она обследовала одиннадцать тяжело больных и ещё [помимо одного] нашла три трупа».

При составлении вместе с упомянутым студентом отчёта о работе текущего дня, А.М. Лебедева, сидя против него за небольшим столом, вдруг почувствовала повышение температуры и обнаружила у себя выделение мокроты с кровью. Несмотря на болезнь, она продолжала участливо заботиться о своих коллегах и помощниках, пока 14 января не скончалась⁵.

О масштабе эпидемии в Харбине, в прекращении которой особенно отличились российские врачи, позволяют судить такие данные за 1911 г.: только в Новом городе Харбина, по словам В.М. Богуцкого, было инфицировано 15 896 чел., а по подсчётам врача КВЖД Э.П. Хмары-Борщевского – 12 716 чел.; на Пристанях, по заявлению первого автора, заболело 28 121 чел., а по данным второго – 23 708 чел.⁶

Воспоминания о трудном времени, пережитом жителями Харбина в чумную страду 1910–1911 гг., надолго остались в памяти её очевидцев. Так, Н.А. Базоркин, проходивший тогда службу в рядах 1-го Заамурского конного полка, в 1938 г. писал по этому поводу: «Зимой 1910–1911 гг. и отчасти весной в Маньчжурии свирепствовала эпидемия лёгочной чумы. Я теперь с ужасом вспоминаю то давно прошедшее время: выжженный, почти вымерший Фуцзянь; ездившие по Харбину чёрные кареты, которые возили обречённых на смерть в Московские казармы на противочумный пункт... жуткие фигуры на улицах города в белом одеянии и в глухих [закрытых] масках, так похожие на средневековых инквизиторов» [2, с. 69–76].

Эпидемия чумы (1910–1911 гг.) в Маньчжурии, унесшая жизни более 100 тыс. чел., стала, вероятно, одной из причин инертной позиции китайского населения этого региона в период Синьхайской революции 1911–1912 гг., завершившейся свержением маньчжурской династии Цин, правившей Китаем с 1644 г., и провозглашением Республики.

Примечания

¹ В своих выводах по поводу результатов противочумной экспедиции в Маньчжурии Д.К. Заболотный подчёркивал, что скученность китайского населения играла главную роль в развитии эпидемии (см.: [9, с. 11]).

² Среди китайских врачей, прибывших в Харбин 22 декабря 1910 г. по вызову Вайубу (Министерства иностранных дел), был помощник директора военно-медицинской школы в Тяньцзине У Лян-дэ, имевший ранее возможность познакомиться с И. Мечниковым в Париже после посещения коллег-медиков Англии и Германии. Свои впечатления о Харбине и личном участии в противочумной кампании в Фуцзяне он изложил в предисловии к своей книге о лёгочной чуме, опубликованной в Женеве на средства Лиги наций (см.: [11, р. V]).

³ Факты насильственной изоляции заболевших чумой от здоровых, имевшие место в период жёсткого карантина в Харбине, были использованы некоторыми деятелями Китайской Республики (например, Ху Хань-мином, ставшим в 1912 г. при поддержке Сунь Ят-сена генерал-губернатором провинции Гуандун) в целях антирусской пропаганды в связи с признанием российским правительством факта провозглашения монгольскими князьями независимости Монголии в ноябре 1911 г. На появление в одной из местных газет карикатур, превратно изображающих действия россиян в Харбине в

период появления там чумы, российский консул в Кантоне (Гуанчжоу) А.Т. Бельченко заявил провинциальному правительству Ху Хань-мина решительный протест. Как видно из сообщения вышедшей во Владивостоке газеты «Далёкая окраина» от 29 апреля 1912 г., центральное правительство республиканского Китая, признавая важную роль российских врачей в борьбе с чумой в Харбине, наградило их орденами, которыми были удостоены и представители администрации КВЖД.

⁴ Среди погибших в Харбине лиц медицинского персонала П.Б. Хавкин указывал д-ра В.М. Михеля, студента И.Б. Мамонтова, фельдшеру А.Т. Снежкову, ст. санитару И.Б. Матюнина. Из иностранных врачей, принимавших активное участие в борьбе с чумой в Маньчжурии, нельзя не упомянуть француза Минье, посланного, подобно китайцу У Лян-дэ, в Фуцзянь из Тяньцзиня. О его трагической смерти от заражения чумой сообщила россиянам столичная газета «Новое время» 1/14 января 1911 г.

⁵ Подробные сведения о биографии М.А. Лебедевой, родившейся 13 июня в г. Нарыне и получившей среднее образование в женской гимназии г. Енисейска, можно найти в книге И.Л. Мартиновского и Г.Г. Молляре «Эпидемия чумы в Маньчжурии в 1910–1911 гг. (Героический подвиг русских и французских врачей в борьбе с ней)» (М.: «Медицина», 1971).

⁶ На разницу в данных указывал анонимный рецензент на книгу Э.П. Хмара-Борщевского, указавший на данные в ней неправильные названия китайских географических пунктов (например, деревню Чин-хэ следует называть Чаньянхэ). См.: [1, № 199 (21.11/03.12 1912), с. 3 (ссылка на стр. 254)].

Источники

Периодические издания

1. «Восток» (Харбин).
2. «Заамурец» (Харбин, 1938).
3. «Новое время» (СПб).
4. «Сибирское слово» (Томск).
5. АВПРИ – Архив внешней политики Российской империи.

Литература

6. *Богущий В.М.* Эпидемия чумы в Харбине и его окрестностях в полосе отчуждения КВЖД. 1910–1911. Медицинский отчёт о деятельности Противочумного бюро. Харбин, 1911.

7. *Касторский Е.С.* Эпидемия лёгочной чумы на Дальнем Востоке. 1910–1911 гг. и меры борьбы с нею. Иркутск: Тип. М.П. Окунева, 1911.

8. *Кириллов Н.В.* Моровая язва, или людская чума на Дальнем Востоке. Владивосток: Электро-типография газеты «Далёкая окраина», 1910.

9. Лёгочная чума в Маньчжурии в 1910–1911 гг. Отчёт русской научной экспедиции под ред. проф. *Д.К. Заболотного*. Т. I. Петроград: Типо-литография А.Э. Винке, 1915.

10. Эпидемия чумы в г. Харбине и его окрестностях в полосе отчуждения Китайско-Восточной жел. дороги. Медицинский отчёт о деятельности Противочумного Бюро. С 15 фотографическими снимками, 16 плакатами и 9 диаграммами. Составил д-р *В.М. Богущий*. Харбин, 1911.

11. *Wu Lien-Teh.* A Treatise on Pneumonic Plague. Geneva, 1926 (League of Nations).